



## Его имя хранит история Консерватории О Т.Г. Тер-Мартirosяне

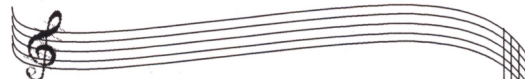


Самые главные тайны хранятся в самом человеке, его мыслях, действиях, поступках, чувствах. Мы запоминаем человека таким, каким он нам представлялся, запоминая всё, что он делает, и как он делает. Так он «пишет» свою историю, историю своей жизни. «История – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека (цит. по 2)». Человек – творец своей жизни, своей истории, а вместе с другими он создаёт историю того, что их тесно связывает. Одним из таких мест, связавших жизни многих музыкантов стало хранилище музыки –

Санкт-Петербургская консерватория. Её историю вместе создавали все, кто здесь некогда учился и работал, и те, кто делает это и сейчас, создавая частичку своей истории жизни, и вместе с тем необыкновенную историю жизни консерватории.

История консерватории хранит имена многих, посвятивших свою жизнь музыке и служению ей. Имена очень многих композиторов, дирижёров, пианистов и других деятелей искусства во всей России и даже в мире знают, вышедших из Санкт-Петербургской консерватории. Но дороги имена тех, кто, сохранив верность своему делу, остался в консерватории, посвятив себя служению последующим поколениям.


Одним из тех, что имя почти неизвестно, но было «у всех на устах» прежде, был замечательный музыкант, композитор и музыковед в одном лице, доцент консерватории – Тигран Георгиевич Тер-Мартirosян. Свою отнюдь непростую жизнь, полной лишений и испытаний, Тигран Георгиевич целиком посвятил музыке, служению искусству и Санкт-Петербургской консерватории, стены которой стали для него по-настоящему родными.



Жизнь Тиграна Георгиевича началась в городе Александрополе 25 декабря 1906 года. Его детство прошло в кругу большой семьи из девяти человек. Жили они в небольшом домике из шести комнат. Отец его был членом городской думы, мать имела музыкальное образование. Жизнь их большой дружной семьи была омрачена большой трагедией. В 1919 году скончалась мать, а вскоре в 1923 году и отец. Эта невосполнимая утрата была не только тяжёлым испытанием, выпавшим на долю детей, заставившей их повзрослеть, но и причиной горестной разлуки для них. Но даже в разлуке, длившейся порой годы, он сохранили теплые чувства друг к другу, настолько дружны между собой они были. В своей автобиографии Тигран Георгиевич пишет об этих событиях детства: «Дом, после смерти отца (1923 год), в виду переезда к этому времени нас, детей, на новое местожительство (Ереван, Москва, Ленинград), был у нас приобретен, если не ошибаюсь, строительным техникумом».

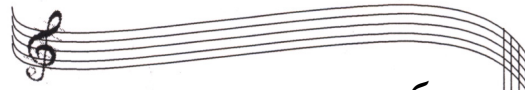
После смерти отца Тигран Георгиевич переехал в Ереван, где окончит трудовую школу второй степени в 1924 году. И в том же году он поступил в только что открывшуюся Ереванскую консерваторию по классу фортепиано. Вскоре, в 1926 году, «в целях получения серьезной композиторской подготовки», он переезжает в Ленинград. Обучение композиторскому мастерству Тигран Георгиевич начинал в Центральном Музыкальном Техникуме в классе профессора Петра Васильевича Рязанова. В Ленинграде его ожидала череда испытаний, связанных материальными и житейскими трудностями. По приезде он поселился в маленькой квартирке своего брата на Зверинской улице, в которой ютились ещё его жена и двое детей. Брат его Арам Георгиевич был мастером бумажных игрушек, которые они вместе с Тиграном Георгиевичем продавали у Гостиного двора. «Когда нам удавалось что-нибудь продать, – рассказывал он, – мы бежали в булочную напротив и покупали там большой батон». В одной из своих автобиографий он пишет: «Из-за тяжёлых материальных условий, первый год моей учёбы в техникуме совмещал с работой на фабрике “Красная нить” (чернорабочий), а позже в “Промстрое”». Но судьба оказалась к нему благоклонной, и он стал получать небольшую стипендию Наркомпроса Армении с 1927 года.

Пройдя двухлетний курс подготовки по классу сочинения в Первом Музыкальном техникуме, в 1928 году он поступает в консерваторию на факультет композиции в класс



профессора Владимира Владимировича Щербачёва. Один из учеников Щербачёва Михаил Иванович Чулаки в своих воспоминаниях о нём, пишет об атмосфере, царившей в его классе: «Занятия в классе Щербачёва принадлежали к числу интереснейших в консерватории. Сколько живых и ценных мыслей высказывал Владимир Владимирович о музыкальной форме, об инструментовке, о стилях и т.д. Как сильно расширял кругозор студентов не только в области музыки, но и литературы, живописи, театра». В своих учениках, по словам Чулаки, он стремился развить хороший вкус, и не только музыкальный, но и в области литературы и, особенно, живописи. «Делал он это в присущей ему форме ему безапелляционной манере, одним ударом ниспровергал идеалы воспитуемого» (цит. по 2, С. 81–92). В 1930 году Щербачёв был вынужден оставить Ленинградскую консерваторию, переехав в Тбилиси до 1933 года. С грустью воспринял уезд Щербачёва Тер-Мартirosян, о чём он пишет в одном из писем Щербачёву: «До сих пор не могу привыкнуть к тому, что Вас здесь нет, в консерватории, среди всех нас» (16 ноября 1931 года).

После отъезда Щербачёва Тер-Мартirosян перешёл в класс профессора Кушнарёва Христофора Степановича. Под его началом он окончил консерваторию в 1932 году, став в последующем большим его другом. С большой теплотой Тер-Мартirosян писал о нём: «Думая о дорогом учителе и друге, мысленно возвращаясь к многим годам, проведённым в близком с ним общении, вновь и вновь внутренне воссоздавая весь его облик, – вспоминаю замечательные слова Чехова: «В человеке всё должно быть прекрасно. В Христофоре Степановиче всё было прекрасным. Это был человек редкой красоты, светлого ума, исключительного духовного богатства. Во всех его проявлениях ощущалась предельная гармоничность его внешнего облика и внутреннего мира. Он был предельно тактичным в отношении учеников и особенно осторожен в вопросах их самолюбия. (...) Христофор Степанович обладал редким педагогическим талантом. Его лекции отличались глубокой методической разработанностью проблемы, широтой охвата явлений, ясностью изложения. (...) Для всех своих учеников Христофор Степанович был и остался в их памяти верным и мудрым руководителем, учителем в самом высоком смысле этого слова» (цит. по 1, С. 11–13).



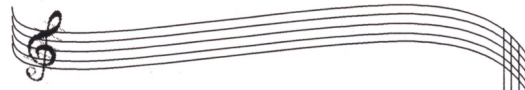
Одним из самых знаменательных в его жизни был 1930 год. В этом году Тигран Георгиевич снимает свою первую комнату в Петербурге в доме №12 на Театральной площади. Именно тогда он встретил свою будущую жену Валентину Александровну Вихареву. Встретив её, как рассказывает дочь Тер-Мартirosяна, «он сразу в неё влюбился», и это было взаимно. Будучи человеком «интеллигентным и позитивным», он завоевал уважение своей будущей свекрови Марии Дмитриевны. Вскоре Тигран Георгиевич и Валентина Александровна поженились, а в 1933 году у них родился сын. Первые годы их совместной жизни (1930–1941) «были наиболее удачными», по словам жены Тер-Мартirosяна.

Окончив консерваторию, Тер-Мартirosян несколько лет работал в детской музыкальной школе, затем поступил на службу в училище при Ленинградской консерватории (1935–1938 гг.), где вёл курс специальной гармонии и курс практического сочинения, позднее совмещая с работой в 1-м музыкальном училище (1937–1938 гг.).

Спустя пять лет, в 1937 году, судьба привела его в Ленинградскую консерваторию, с которой стала неразрывно связана его жизнь. В консерватории он начал педагогическую деятельность в качестве ассистента профессора Тюлина Юрия Николаевича по специальной гармонии на композиторском факультете. О его работе в стенах консерватории с большим уважением и одобрением пишет Тюлин: «Много сил и внимания Тер-Мартirosян уделяет педагогической работе. Проработав первый год под моим руководством, Тер-Мартirosян в настоящее время самостоятельно ведёт педагогическую работу, прекрасно справляясь с поставленной задачей». В течение одного семестра (1939 год) Тер-Мартirosян вёл полугодовой курс специальной гармонии на историко-теоретическом факультете и практического сочинения в Музыкальном училище в Ереване, в которой Тигран Георгиевич «весьма успешно провёл занятия с композиторами по отзыву директора консерватории профессора Сараджева»<sup>2</sup>. В 1939 году Тер-Мартirosян был принят в члены Ленинградского Союза Советских Композиторов, в котором руководил секцией камерной симфонической музыки всю свою жизнь.

Благополучный ход жизни Тер-Мартirosяна и его семьи в одно мгновение был разрушен безжалостным вихрем

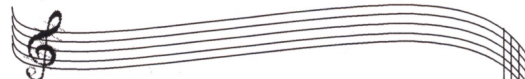
<sup>2</sup> Характеристика профессора Тюлина, 17/V 1940 г. Личное дело Т.Г. Тер-Мартirosяна ЛОЛГК № 226, личные дела педагогов и студентов.



войны, несущей с собой беды и лишения, жестокость и смерть. И в этот самый сложный период для жизни, когда никто не знал, что же будет дальше, Валентина Александровна ждала появления второго ребёнка. К счастью для семьи Тер-Мартirosянов вскоре после начала войны, консерватория была эвакуирована в Ташкент, там 5 сентября 1941 года на свет появилась их дочь Ирина. В Ташкенте Тиграну Георгиевичу удалось получить работу в консерватории, однако это не приносило достаточного дохода и он подал прошение на работу в Ереванскую консерваторию. Его прошение было удовлетворено, Управлением по делам искусств Армении он был приглашён в Ереванскую консерваторию и музыкальную школу - десятилетку при консерватории (1942 – 1948 гг.). Этому предшествовал сложный длительный переезд всей семье через Каспийское море из Ташкента в Ереван. Они поселились в доме сестры Тер-Матirosяна Елены Георгиевны. «В Ереване стало легче» – рассказывает дочь Ирина Тиграновна – «Отец начал работать в консерватории, нас обеспечили жильём». Ереванская консерватория поддерживала их и продовольствием. Среди впечатлений детства Ирины Тиграновны: «огромные тазы полные всего. В основном был хлеб, сыр и виноград. Папа смеялся, говорил, что я виноград ела целыми кисточками. Особенно питательной еды не было и мама с бабушкой выращивали на балконе курочек. Там было замечательно». Конечно, после столь тяжёлых испытаний жизнь в Ташкенте была настоящим подарком судьбы. «Так жили до 1947 года. Мама не могла привыкнуть к такой жизни, она хотела вернуться, говорила, что детям надо учиться».

И вот, в 1947 году Тигран Георгиевич возвращается в Ленинград, и устраивается в консерваторию. Прежде чем он смог вернуться к преподавательской деятельности, ему предстояло отработать в консерватории в качестве работника методического кабинета и заведующего лабораторией народного творчества и полифонии, но уже с сентября 1949 года вновь был зачислен на педагогическую работу, в качестве доцента кафедры теории музыки. В звании доцента Тигран Георгиевич был утверждён в январе 1948 года Высшей Аттестационной Комиссией.

В 1948 году в Ленинград приезжает его жена и дети. Но квартира на Театральной, в которой они жили до войны, была занята. «С 1948 по 1958 год жили в самом здании консерватории. У нас была самая многочисленная семья, клас-

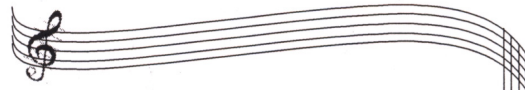


сов не хватало и нас переселяли чуть ли не каждый год». Через несколько лет, в 1958 году подошла очередь на квартиру и от города, и от консерватории. «Мы с папой поехали смотреть два адреса на Благодатной и на Варшавской. Выбрали на Благодатной, там прожили до 1971 года». В их доме каждый месяц собирались гости. «Его же очень многие любили, было много друзей. Интеллектуальная среда повлияла и на нас» – вспоминает Ирина Тиграновна.

Тигран Георгиевич был любящим и заботливым мужем и отцом. Ирина Тиграновна рассказывает о своём отце: «Он очень любил нас, детей, меня особенно. В первый год, когда мы приехали, я не пошла в школу, привыкала, и мы много гуляли с папой, он показывал мне здания, говорил об архитекторах. Покупал много книг на «книжных развалах». Часто покупал абонементы в Мариинский театр через консерваторию. Этим он очень много мне дал, мне это очень помогло в жизни».

Привычный образ жизни нарушает трагедия, посетившая их семью, в 25 декабря 1970 году у Тиграна Георгиевича случился инфаркт. «Нам позвонили из консерватории. Он долго лежал в больнице. После этого ушёл с деканства, остался лишь преподавать» – вспоминает Ирина Тиграновна. В 1972 году консерватория начала строительство кооператива. Тигран Георгиевич, посоветовавшись с семьёй, вступил в кооператив, и уже весной 1973 года они переехали в новую квартиру на Никольской площади; в этой квартире Тигран Георгиевич провёл последние годы жизни. После травмы ноги он не мог ходить в консерваторию, «ученики приходили на дом несколько раз в неделю до 1979–1980 года». Кончиной Тиграна Георгиевича послужила тяжёлая эпидемия гриппа, появившаяся в городе в начале 1984 года. Он заболел вместе с женой Валентиной Александровной, но ему так и не удалось выкарабкаться, и 4 февраля 1984 года он скончался. Валентина Александровна «прожила ещё пять лет, она скончалась в 1989 году, но это была уже совсем другая жизнь. Последние годы она почти не вспоминала о папе, о их жизни. Обходила эту тему» – так вспоминает об этом тяжёлом времени их дочь.

Тигран Георгиевич был одним из тех преподавателей консерватории, чья жизнь была неразрывно связана с ней, начиная с 1928 года, когда стал её студентом и всю его дальнейшую жизнь. Двенадцать лет он был деканом теоретико-композиторского факультета. Преподаватели и студен-



ты, знающие Тиграна Георгиевича, вспоминают его как прекрасного руководителя, требовательного, и вместе с тем, достаточно мягкого человека, очень остро чувствующего несправедливость. «Он всегда старался помочь студентам» – вспоминает Татьяна Сергеевна Бершадская. Один из его известнейших учеников композитор Сергей Михайлович Слонимский, закончивший аспирантуру под его руководством, вспоминает его как «тонкого музыканта с отменным вкусом». Дальше он говорит: «Тигран Георгиевич направлял и раскрепощал ученика, корректировал назойливости и односторонности. Старался раскрыть ученика, его лицо».

Как преподавателя его бесконечно волновала необходимость учебного материала по теоретическим дисциплинам. Это послужило созданию его учебника элементарной теории музыки, впервые вышедшего в 1949 году<sup>3</sup>. Позднее им были написаны две главы коллективного учебника «Музыкальная форма» – сонатная форма; сонатный цикл., М., 1965. Не менее ценной представляется его работа «Некоторые особенности гармонии Прокофьева». Методическое пособие.

Но не только прекрасным преподавателем был Тигран Георгиевич, неотъемлемой частью его жизни, как и частью его самого была музыка. Он начал писать ещё мальчишкой и продолжал писать до самого конца своей жизни. Его последнее произведение – две пьесы для альты и арфы было завершено на последнем году жизни. Оно было отдано в печать его дочерью ещё при его жизни, но издано оно было уже после его кончины. Сохранились черновики его работ, они были переданы в музей Ереванской консерватории, где и хранятся сейчас. Его творческое наследие, хоть и невелико, но в себя включает произведения различных жанров для камерно-инструментальной музыки: две сюиты для струнного оркестра, две пьесы для секстета, баллада для симфонического оркестра, симфония-поэма для симфонического оркестра (1943), триптих для струнного оркестра, а также мелкие фортепианные пьесы, «Музыкальные зарисовки», обработки армянских народных песен и романсы на слова армянских поэтов. «Тонкий вкус чувствовался в его произведениях, он постепенно развивался в сторону новизны и авангарда. Ему ближе был Прокофьев, он тяготел к раннему

---

<sup>3</sup> Учебник Элементарной теории музыки был дважды переиздан в 1957 г. и 1962 г., а также вышел и на армянском языке в соавторстве с Р. Атаян)



Стравинскому» – рассказывает Сергей Михайлович Слонимский, вспоминая его как «композитора с отменным вкусом».

Ученики и преподаватели помнят Тиграна Георгиевича как тонкого музыканта и прекрасного преподавателя, его дочь Ирина Тиграновна вспоминает его как любящего и заботливого отца. Так сложилось, что при жизни Тер-Мартirosян был известен лишь в стенах консерватории, а сейчас его помнят отнюдь немногие, но все они с благодарностью и душевной теплотой вспоминают о нём. Его судьба, как и судьбы многих других, стала неразрывно связана с консерваторией и её историей.

Человек живёт до тех пор, пока живёт память о нём и о том, что было им создано. И нам важно знать и помнить о тех, чьи имена хранит история консерватории, тех, кто создавал консерваторию, стоял у самых её истоков, кто создавал её школу и атмосферу в ней. Потому что эти имена, эти судьбы и есть история консерватории, и потому, что и мы, наши судьбы станут маленькой частичкой истории консерватории.

#### **Список использованной литературы:**

1. *Тер-Мартirosян Т.* Светлый образ. // Х. Кушнарёв. Статьи. Воспоминания. Материалы. Под ред. Ю.Н. Тюлина, М.-Л., 1967.
2. *Петровская И.Ф.* Источниковедение истории русской музыкальной культуры XVIII – начало XX веков., М., 1989.
3. Личное дело Тер-Мартirosяна Т.Г. ПОЛГК № 226, личные дела педагогов и студентов, архив СПбГК им. Н.А. Римского-Корсакова.
4. *Чулаки М.* О Щербачёве и его школе. // В.В. Щербачёв. Статьи. Материалы. Письма., сост. Р. Слонимская, Л., 1985.
5. Беседа со Слонимский Сергеем Михайловичем.
6. Беседа с Бершадской Татьяной Сергеевной.

Особая благодарность выражается Ирине Тиграновне Тер-Мартirosян за оказанную помощь в работе над статьёй и предоставленные материалы.